

IPCMFK

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ СЫРЬЕВЫМИ И ПРОМЫШЛЕННЫМИ ТОВАРАМИ: ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ И САНКЦИЙ

Д. А. Изотов

Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения РАН,
680042, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153

Поступила в редакцию 08.10.2025 г.
Принята к публикации 19.11.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5
© Изотов Д. А., 2025

Целью исследования является оценка влияния интеграционных соглашений и санкций на внешнюю торговлю сырьевыми и промышленными товарами России. В статье на основе статистики международных баз данных (UNCTAD, Всемирный банк, CEIC, UNIDO, CEPPI, FAO, ВТО, GSDB) для 1995—2024 гг. при помощи гравитационного моделирования, предполагающего контроль «эффектов глобализации», оценена возможность стимулирования российской внешней торговли сырьевыми и промышленными товарами в условиях санкционных ограничений в результате участия России в ВТО, в торговых и кооперационных соглашениях. Выявлен общий негативный эффект санкций на товарооборот России, особенно широкомасштабных ограничений, заметно сокративших российскую торговлю с санкционирующими «западными» странами в 2022—2024 гг. Установлено инвариантное воздействие на внешнюю торговлю России инвестиционных соглашений. Показано, что при общем долгосрочном позитивном влиянии на внешнюю торговлю России продвинутые торговые соглашения стимулировали большее расширение товарообмена промышленными, а не сырьевыми товарами, в отличие от поверхностных торговых соглашений. Определено нарастание позитивного влияния продвинутых и поверхностных торговых соглашений, а также участия в ВТО на российскую внешнюю торговлю (особенно промышленными товарами). Выявлено, что общая тенденция роста международной торговли в 2022—2024 гг. стимулировала товарооборот России со странами ВТО преимущественно сырьевыми товарами. Сопоставление эффектов показало, что смещение товарообмена в пользу стран — членов ВТО, а также рост международной торговли позволили смягчить негативное воздействие широкомасштабных санкций «западных» стран на российскую внешнюю торговлю, а заключенные Россией продвинутые и поверхностные торговые соглашения играли дополнительную стимулирующую роль в данном процессе. Полученные оцен-

Для цитирования: Изотов Д. А. Внешняя торговля России сырьевыми и промышленными товарами: влияние интеграционных соглашений и санкций // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 84—106.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5

ки свидетельствуют о необходимости расширения интеграционных форматов России в пользу дружественных стран в условиях нарастания санкционного давления со стороны «западных» стран.

Ключевые слова:

торговля, сырьевые товары, промышленные товары, ВТО, зона свободной торговли, таможенный союз, поверхностные и продвинутые интеграционные соглашения, двустороннее инвестиционное соглашение, санкции, международная торговля, Россия

Введение

Несмотря на имеющийся за последние три десятилетия прогресс общей либерализации торговли в мире, в современной глобальной экономике наблюдаются процессы, обусловленные как снижением, так и увеличением барьеров торгово-экономических взаимодействий между странами [1; 2]. С одной стороны, в мире в целом поддерживается низкий уровень торгово-экономических барьеров, что связано со снижением импортных пошлин в рамках режима наибольшего благоприятствования в связи с вхождением большинства стран в ВТО [3]; с созданием двух- и многосторонних интеграционных форматов и с заключением кооперационных соглашений между национальными экономиками. На субглобальном уровне интеграционные форматы между странами реализуются главным образом в рамках зон свободной торговли (ЗСТ¹), а также таможенных союзов (ТС²) [4]. В свою очередь, кооперационные соглашения между странами, не направленные на снижение тарифных барьеров, преимущественно реализуются в форме двусторонних инвестиционных соглашений [5], стимулируя межстрановые взаимодействия, в том числе в торговле [3]. С другой стороны, в глобальной экономике наблюдается процесс протекционизма в условиях генерации двух- и односторонних торгово-экономических ограничений между странами. За последнее десятилетие в глобальной экономике стала проявляться фрагментация по политическому принципу в условиях увеличения количества вводимых санкционных ограничений [6] — мер по дискриминации подсанкционных экономик, отдельных физических лиц или организаций как со стороны международных организаций, так и санкционирующих стран [7]. В целом санкции увеличивают риски, и, соответственно, издержки взаимодействий между экономиками [8].

В глобальной экономике товарообмен главным образом осуществляется промышленными товарами³, имеющими высокую добавленную стоимость по сравнению с сырьем. Обмен промышленными товарами в мире основывается на механизмах как монополистической конкуренции, так и вертикальной торговли в рамках производственной кооперации. Как показывают оценки, торговля промышленными товарами в мире стимулируется участием стран как в ВТО [9], так и в рамках двух- и многосторонних интеграционных соглашений [10]. В свою очередь, торговля сырьевыми товарами характеризуется неэластичным спросом по цене. Тем не менее снижение барьеров в рамках интеграционных соглашений

¹ ЗСТ предполагает сокращение тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам. За последние два десятилетия ЗСТ стали заключаться в продвинутом формате (ЗСТ+), в рамках которого помимо снижения барьеров в торговле осуществляется также либерализация обмена услугами и капиталом.

² В рамках ТС страны-члены вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

³ Доля промышленных товаров в мировой торговле составляла 87 % в среднем за 1995—2024 гг.

способствовало расширению торговли сырьем между странами мира [11], при этом не было обнаружено однозначно стимулирующего влияния членства стран в ВТО на торговлю данной продукцией [12].

По причине в том числе дифференциации применяемых санкций обращает на себя внимание неоднородность их воздействия на различные национальные экономики [13], их структурные компоненты [14] и товарные потоки между странами [15]. При том что санкции негативно влияли на торговлю промышленными товарами [16], в условиях процесса глобализации стали появляться возможности для диверсификации торговых потоков подсанкционных экономик в пользу третьих стран, а также «стран-посредников» [17]. Санкции также генерировали негативный эффект на торговлю продукцией минерального комплекса и сельского хозяйства для санкционирующих и подсанкционных стран [18], а страны-потребители с разной результативностью замещали за счет альтернативных поставщиков импорт данных товаров ввиду специфики спроса и предложения на них на глобальном рынке. В частности, в условиях санкций масштабные поставки сырьевых товаров на внешний рынок играют для национальной экономики неоднозначную роль ввиду ее уязвимости от соответствующих внешних ограничений при развитии альтернативных каналов поставок, порой более затратных [19].

Важной спецификой торговых взаимодействий России с глобальным рынком является доминирование в ее экспорте сырьевых товаров¹, массовый вывоз которых на внешний рынок позволяет балансировать внутреннее потребление промышленных товаров за счет импорта и накапливать золотовалютные резервы за счет профицита внешнеторгового баланса. Россия входит в небольшое число стран — основных поставщиков сырьевых товаров на глобальный рынок, характеризуясь сравнительно высокой внешнеторговой квотой в экономике, составившей 30 % к 2024 г.²

В начале 2010-х гг. Россия стала полноправной участницей ВТО, при этом оценки торговых эффектов ее присоединения к данному глобальному формату являются неоднозначными. С одной стороны, показано инвариантное влияние членства в ВТО на внешнюю торговлю России [20], с другой — его позитивное воздействие на товарообмен российской экономики с зарубежными странами промышленной продукцией и некоторыми видами сырьевых товаров [21; 22]. Несмотря на вхождение страны в ВТО, руководство России придерживается довольно осторожной стратегии снижения торгово-экономических барьеров с зарубежными странами на основе интеграционных соглашений, сфокусировавшись на создании продвинутых торговых форматов только с некоторыми экономиками, преимущественно постсоветскими. При этом оценки влияния заключенных Россией интеграционных соглашений с зарубежными странами, главным образом в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и с Вьетнамом указывают как на возможности [23], так и на ограничения [24; 25] расширения торгово-экономических взаимодействий. Несмотря на то что Россия заключила сравнительно большое число двусторонних инвестиционных соглашений, их влияние на торгово-экономические взаимодействия с зарубежными странами практически не изучается. По этой причине важно определить, каким образом участие России в ВТО, а также заключение ею интеграционных и кооперационных форматов повлияли на российскую внешнюю торговлю. При этом важным

¹ Экспорт сырьевых товаров России представлен, главным образом, сырой нефтью.

² UNCTADstat Data centre, 2025, URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 01.08.2025).

аспектом является соотношение воздействия глобального (ВТО) и субглобальных (ЗСТ, ЗСТ+ и ТС) интеграционных форматов на внешнюю торговлю Россией сырьем и промышленными товарами.

Следует отметить, что Россия выступает в роли как подсанкционной, так и санкционирующей страны. За последнее десятилетие страна испытывает санкционное давление со стороны «западных» стран в 2014—2021 гг. («локальные» санкции) и с 2022 г. по настоящее время [26] (широкомасштабные санкции), которое негативно повлияло на ее торговлю сырьевыми [27] и промышленными товарами [28] с санкционирующими странами. Как показывают оценки, широкомасштабные санкции стали одним из главных вызовов для экономики России, поскольку наблюдалось нарушение сложившихся за долгие годы эффективных товаропотоков страны с зарубежными странами, что привело к кризису в некоторых ее отраслях [29] при сохранении технологической зависимости от импорта [30], в результате чего российская экономика переходит к волатильной и крайне затратной модели роста [31]. В рамках широкомасштабных санкций фиксировалось снижение не только нефтегазовых, но и ненефтегазовых доходов России, а импортные ограничения преодолевались за счет трансформации страновой структуры ввоза продукции на российский рынок и структуры производства внутри укрупненных групп товаров [32]. Поскольку Россия является крупной экономикой и занимает одно из ключевых мест на глобальном рынке сырьевых товаров [33], ужесточение санкций привело к росту мировых цен на данную продукцию ввиду «ловушки большой страны» [34], а также к отклонению российской внешней торговли в пользу третьих стран [35].

Тем не менее недостаточно изучено соотношение эффектов санкций и интеграционных эффектов на внешнюю торговлю России, в том числе сырьевыми и промышленными товарами. Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующий исследовательский вопрос: действительно ли участие в ВТО, в торговых и кооперационных соглашениях стимулировало российскую внешнюю торговлю сырьевыми и промышленными товарами в долгосрочном периоде (1995—2024), а также в условиях санкций, в том числе широкомасштабных, со стороны «западных» стран?

Таким образом, целью настоящего исследования является оценка влияния санкций и интеграционных соглашений на внешнюю торговлю промышленными и сырьевыми товарами России. Для достижения цели в исследовании решались следующие задачи: 1) анализ динамики внешней торговли сырьевыми и промышленными товарами, санкций, интеграционных соглашений России; 2) выбор методики, формирование зависимостей и массива данных для оценки факторов внешней торговли России; 3) оценка влияния санкций, интеграционных соглашений на торговлю сырьевыми и промышленными товарами России с зарубежными странами. Исследование охватывало долгосрочный период: 1995—2024 гг.

Внешняя торговля России сырьевыми и промышленными товарами, санкции, интеграционные и кооперационные соглашения

За исключением кризисных эпизодов в мировой экономике в конце 2000-х гг. в середине 2010-х гг., а также в начале 2020-х гг. благоприятная конъюнктура цен на глобальном рынке и расширение спроса на российские сырьевые товары

способствовали росту внешней торговли России. Доля сырьевых товаров в экспорте России имела тенденцию к увеличению — с 58 % в 1995 г. до 69 % в 2024 г. (рис. 1).

Рис. 1. Экспорт из России сырьевых и промышленных товаров

Источник: Trade Structure, 2025, UNCTADstat Data centre, URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

Импорт в Россию зависел от динамики российского экспорта сырьевых товаров, за счет которого осуществлялись поставки на отечественный рынок из-за рубежа широкого ассортимента товаров потребительского и производственного назначения. В результате импорт на российский рынок состоял главным образом из промышленных товаров, доля которых увеличилась с 74 % в 1995 г. до 78 % в 2024 г. (рис. 2).

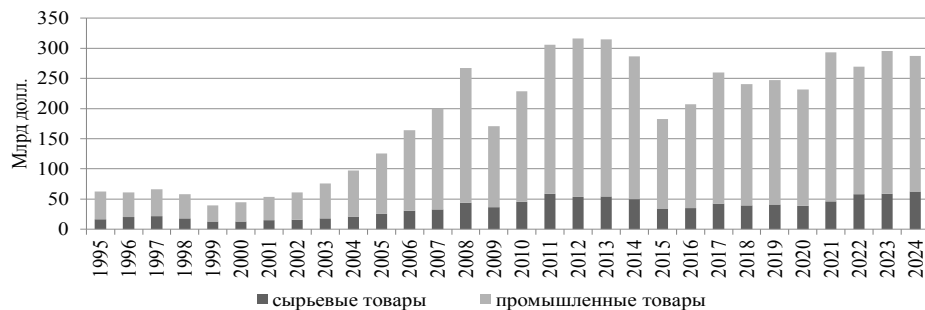

Рис. 2. Импорт в Россию сырьевых и промышленных товаров

Источник: Trade Structure, 2025, UNCTADstat Data centre, URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

Несмотря на тесное включение России в глобальную экономику, реализация российской внешнеэкономической политики по созданию интеграционных форматов с зарубежными странами осуществлялась довольно неспешно и осторожно. Так, Россия заключила двусторонние соглашения о свободной торговле в формате ЗСТ, снижающие барьеры в торговле товарами со странами, которые преимущественно входили в СНГ. В 2006 г. Россия также образовала ЗСТ с Сербией, а в 2025 г. — с Ираном¹. В условиях фрагментации экономического пространства бывшего СССР

¹ Забегая чуть вперед, отметим, что ЗСТ с Ираном не была включена в массив для оценки, поскольку данное соглашение вступило в силу с 2025 г., находясь за временными рамками настоящего исследования.

Россия предпринимала попытку создания продвинутого интеграционного формата с начала 2010-х гг., заключив ТС в рамках ЕАЭС с Казахстаном и Беларусью (с 2015 г.), с Киргизией и Арменией (с 2016 г.). В 2016 г. Россия как участница ЕАЭС создала ЗСТ+ с Вьетнамом (табл. 1).

Таблица 1

Участие России в интеграционных соглашениях

Интеграционное соглашение	Период
ЗСТ с Арменией и Киргизией (FTA)	1992 – 2015
ЗСТ с Азербайджаном, Грузией и Туркменистаном (FTA)	С 1994 г.
ЗСТ с Беларусью и Казахстаном (FTA)	1992 – 2014
ЗСТ с Молдовой, Таджикистаном и Узбекистаном (FTA)	С 1992 г.
ЗСТ с Украиной (FTA)	1992 – 2015
ЗСТ с Сербией (FTA)	С 2006 г.
ТС ЕАЭС с Казахстаном и Беларусью (FTA+)	С 2015 г.
ТС ЕАЭС с Киргизией и Арменией, ЗСТ+ с Вьетнамом (FTA+)	С 2016 г.

Источник: Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force, 2025, *Regional trade agreements Database*, URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

Помимо этого российская сторона к 2024 г заключила 62 инвестиционных соглашения с зарубежными странами, снижающих барьеры для обмена капиталом (прил., табл. А.1). Также после сравнительно длительных переговоров в 2012 г. Россия присоединилась к ВТО. В результате к 2024 г. Россия торговала со 164 странами — членами ВТО (прил., табл. А.2), пользуясь в целом преимуществами этого глобального формата (рис. 3).

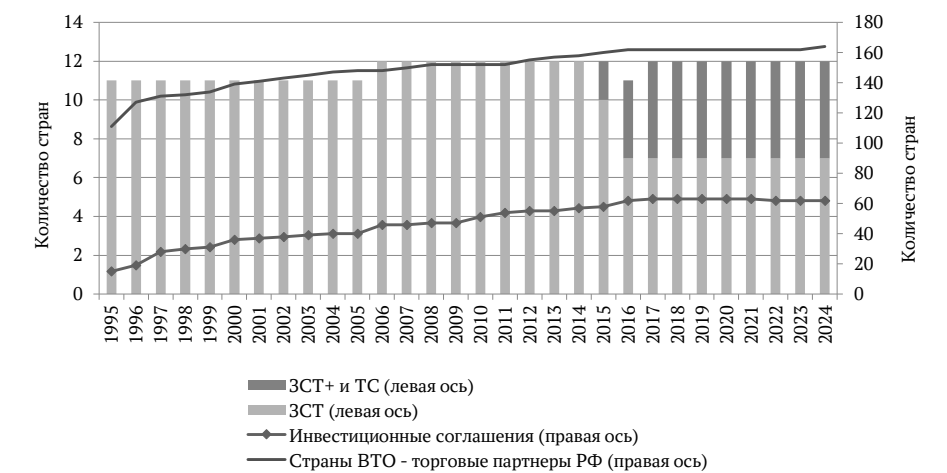

Рис. 3. Количество стран, создавших инвестиционные соглашения, ЗСТ, ЗСТ+ и ТС с Россией, и стран ВТО — торговых партнеров России

Источник: Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force, 2025, *Regional trade agreements Database*, URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 01.08.2025) ; Members and Observers, 2025, *WTO*, URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm; International Investment Agreements Navigator, 2025, *UNCTAD — Palais des Nations*, URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (дата обращения: 01.08.2025).

Россия является как объектом, так и субъектом санкций. Исходя из информации, отраженной в Глобальной базе данных санкционных ограничений (GSDB)¹, можно выделить три периода санкций, с которыми сталкивается российская экономика: относительно благополучный период, в рамках которого санкции были довольно эпизодичными (1995—2013); период «локальных» санкций (2014—2021); период широкомасштабных санкций (с 2022 г. по настоящее время) (рис. 4).

Рис. 4. Санкции (по числу охвата стран), инициированные Россией против зарубежных стран и зарубежными странами против России

Источник: *Global Sanctions Data Base*, 2025, URL: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/> (дата обращения: 01.08.2025).

До 2014 г. Россия практически не являлась подсанкционной страной (санкции против российской экономики были замечены только со стороны Украины и Грузии), вводя при этом краткосрочные санкции против некоторых государств на постсоветском пространстве, а также поддерживая резолюции Совета безопасности ООН против тех или иных стран. Однако с 2014 и 2022 гг. ситуация для российской экономики с точки зрения санкционных ограничений изменилась в негативную сторону. В связи с политическим противостоянием с «западными» странами с 2022 г. на российскую экономику были наложены одни из самых жестких в мире санкций, которые вызвали встречные санкции со стороны России.

Введенные против российской экономики санкции в 2014—2021 гг., которые можно назвать «локальными», сводились к запрету финансирования крупнейших государственных банков и компаний и торговли продукцией оборонного комплекса и товарами двойного назначения, оборудованием и технологиями и услугами по разведке и добыче нефти [36]. Россия в рамках данного периода ввела режим контрсанкций, установив запрет на импорт продовольственных товаров из большинства западных стран² (прил., табл. А.3). В свою очередь, с 2022 г. по настоящее время были введены широкомасштабные санкции против экономики России со стороны западных стран, ставших «недружественными», в число которых помимо упомянутых (прил., табл. А.3) вошли Багамы, Исландия, Лихтенштейн, Республика Корея, Северная Македония, Сингапур, Тайвань и Швейцария. Текущий режим широко-

¹ *Global Sanctions Data Base*, 2025, URL: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/> (дата обращения: 01.08.2025).

² США, страны ЕС-28, Австралия, Норвегия, Канада, Исландия, Албания, Черногория, Украина, Новая Зеландия, Япония, Грузия и Молдова.

масштабных санкций стал охватывать практически все сферы экономики России. В условиях ограниченной конвертации рубля и высоких рисков в российской экономике, связанных в том числе с введением вторичных санкций со стороны «недружественных» стран, некоторые зарубежные компании приостановили или полностью прекратили свою деятельность в России, что выразилось в оттоке прямых иностранных инвестиций из ключевых секторов национальной экономики.

Методика оценки и данные

Методика оценки. За последние два десятилетия развитие гравитационных моделей для оценки влияния различного рода факторов на торгово-экономические взаимодействия между странами достигло существенного прогресса, в том числе для определения воздействия санкций, а также различного рода интеграционных и кооперационных соглашений на обмен товарами. В соответствии с накопленными эмпирическими оценками влияния факторов на торговые взаимодействия между странами в рамках гравитационных моделей выработаны конкретные рекомендации для проведения количественных расчетов соответствующих эффектов [37]: в модель включаются фиксированные эффекты для страны-экспортера/импортера с учетом времени для контроля многостороннего сопротивления¹ и фиксированные эффекты для всех взаимодействующих пар стран — для учета влияния всех независимых от времени двусторонних издержек; оценка зависимости строится в мультипликативной форме для включения нулевых значений в массив и во избежание ошибок спецификации модели из-за неверно подобранной функции; в панель включаются внутренние торговые взаимодействия для контроля отклонения торговых потоков стран в пользу их внутренних рынков и для устранения искажающего влияния глобальных факторов.

Следует также заметить, что корректный расчет влияния членства в ВТО на торговлю стран предполагает получение суммарной оценки как одностороннего (косвенный эффект), так и обоюдного (прямой эффект) участия стран в данном глобальном формате [38]. В результате в соответствии с задачами исследования набор фиктивных переменных включает факторы, снижающие барьеры торговых взаимодействий (наличие / отсутствие одностороннего и обоюдного участия экономик в ВТО и в торгово-экономических соглашениях — ЗСТ, ТС и ЗСТ+, двусторонние инвестиционные соглашения), а также санкции, увеличивающие указанные барьеры (со стороны России и зарубежных стран). В итоге оцениваемая зависимость имеет следующий вид [38]:

$$X_{ij,t} = \exp \left[p_{i,t} + \chi_{j,t} + m_{ij} + \beta_0 + \beta_1 WTOexp_{ij,t} + \beta_2 WTOboth_{ij,t} + \beta_3 FTA_{ij,t} + \beta_4 FTA(+)_{ij,t} + \beta_5 BIT_{ij,t} + \beta_6 SANCru_{ij,t} + \beta_7 SANCz_{ij,t} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \varepsilon_{ij,t} \right], \quad (1)$$

где X_{ij} — экспорт из страны i в страну j (к данному показателю также относится X_{ii} — внутренняя торговля в России).

В модели (1) параметр X_{ij} оценивается для торговли России с зарубежными странами: торговля (всего); торговля сырьевыми товарами; торговля промышленными товарами. Фиксированные эффекты, которые учитывались в модели: p_i — для страны-экспортера с учетом года; χ_j — для страны-импортера с учетом года; m_{ij} — для пар торгующих стран. Оцениваемые независимые переменные были фиктивными:

¹ Все двусторонние переменные издержки, с которыми сталкиваются страна-экспортер и страна-импортер соответственно.

$WTOexp_{ij}$ равна единице, если страна i является членом ВТО, и нулю в противном случае; $WTOboth_{ij}$ равна единице, если страны i и j являются членами ВТО, и нулю в противном случае; FTA_{ij} равна единице при наличии ЗСТ между Россией и зарубежной страной и нулю при ее отсутствии; $FTA(+)_ij$ равна единице при наличии продвинутого торгового соглашения (ЗСТ+ или ТС) между Россией и зарубежной страной и нулю при его отсутствии; BIT_{ij} равна единице при наличии двустороннего инвестиционного соглашения между Россией и зарубежной страной и нулю при его отсутствии; $SANCr_{ij}$ равна единице, если санкции были введены Россией против зарубежной страны, и нулю при их отсутствии; $SANCr_{zj}$ равна единице при наличии санкций против России со стороны зарубежной страны и нулю при их отсутствии; $INTL(T)_{ij}$ равна единице для торговли России с зарубежными странами для каждого года T и нулю для торговли на российском рынке, отражая эффект границ (совокупные барьеры в торговле России с зарубежными странами); β_0 — константа; t — время.

В ходе расчетов предполагается расчет суммарной оценки влияния ВТО ($WTOexpboth$), включающей влияние одностороннего ($WTOexp$) и обоюдного ($WTOboth$) участия стран в данном глобальном формате на торговлю между ними. Для получения корректных торговых эффектов интеграционных соглашений и «фактора» ВТО введение параметра $INTL$ в модель (1) объясняется необходимостью контроля общей тенденции роста международной торговли или «эффектов глобализации» [39; 40]. Соответственно, при исключении из модели (1) фиктивной переменной $INTL$ можно оценить воздействие на независимые переменные общей тенденции роста международной торговли, определяемой в том числе глобальной экономической конъюнктурой:

$$X_{ij,t} = \exp[p_{i,t} + \chi_{j,t} + m_{ij} + \beta_0 + \beta_1 WTOexp_{ij,t} + \beta_2 WTOboth_{ij,t} + \beta_3 FTA_{ij,t} + \beta_4 FTA(+)_ij,t + \beta_5 BIT_{ij,t} + \beta_6 SANCr_{ij,t} + \beta_7 SANCr_{zj,t} + \varepsilon_{ij,t}]. \quad (2)$$

Разница между эффектами в (1) и (2) отражает количественную оценку влияния общей тенденции роста международной торговли на суммарный товарооборот и торговлю сырьевыми и промышленными товарами России с зарубежными странами. Предполагается получение оценок как для всего периода (1995—2024), так и отдельно для периода эпизодичных (1995—2013), «локальных» (2014—2021) и широкомасштабных санкций (2022—2024).

Данные. Статистические данные за 1995—2024 гг. по торговле России с 211 странами и экономическими территориями мира в разрезе укрупненных товарных групп¹ были заимствованы из международных баз данных: UNCTAD², Всемирного банка³ и CEIC⁴. Статистика внутренней торговли России промышленными и сырьевыми товарами определялась как разница между стоимостными объемами произведенных данных товаров в национальной экономике и их экспортом [39]. В соответствии с рекомендациями по формированию массива данных торговли на отечественном рынке [37] стоимостной объем произведенных в России сырьевых

¹ Статистика по экспорту стран, отраженная в Международной стандартной торговой классификации (SITC), была переведена в классификацию ISIC на основе соответствующих ключей.

² UNCTADstat Data centre, 2025, URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 01.08.2025).

³ World Integrated Solution, 2025, *World Integrated Trade Solution (WITS)*, URL: <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ CEIC Data Global Database, 2025, URL: <https://info.ceicdata.com/en-products-global-database-ad> (дата обращения: 01.08.2025).

и промышленных товаров был собран из специальных баз статистических данных: UNIDO¹, CEPII² и FAO³. В ряде случаев статистика торговли и производства сырьевых товаров в базах данных (CEPII, FAO, CEIC, UNCTAD) отражалась исключительно в физических объемах, а для приведения ее к стоимостным объемам были использованы средние цены на сырьевые товары на глобальном и российском рынках. Разделение массива внешней и внутренней торговли на потоки сырьевых и промышленных товаров проводилось на основе товарной классификации ISIC (прил., табл. А.4).

В исследовании оценивались фиктивные переменные, отражающие участие стран в ВТО, в интеграционных и кооперационных соглашениях. На основе базы данных ВТО⁴ к поверхностным интеграционным соглашениям в формате ЗСТ (*FTA*), которые охватывали только торговлю товарами, были отнесены вступившие в силу все существующие и ранее существовавшие двусторонние соглашения о свободной торговле между Россией и зарубежными странами, которые входили в СНГ, а также с Сербией (см. табл. 1). К продвинутым интеграционным соглашениям (*FTA+*) были отнесены: ТС в рамках ЕАЭС; ЗСТ+ с Вьетнамом (см. табл. 1). К двусторонним инвестиционным соглашениям (*BIT*) России с зарубежными странами, на основе данных ООН⁵, были отнесены соглашения с экономиками (прил., табл. А.1). База данных ВТО⁶ показывает, что для *WTOexp* и *WTOboth* членство России в ВТО учитывалось с 2013 г., а для российских торговых партнеров, среди которых насчитывалось 164 страны — члена ВТО, — с года их присоединения к данной организации (прил., табл. А.2). Если на промежутке 1995—2024 гг. страна присоединилась к ВТО или подписанное ею торгово-экономическое соглашение с Россией (или России с зарубежной страной) вступило в силу в первом полугодии текущего года, то членство страны (России) в указанных форматах учитывалось в текущем году, если во втором полугодии — то в следующем.

В настоящем исследовании оценивалось влияние на внешнюю торговлю России следующих направлений санкционных ограничений (прил., табл. А.3): 1) санкции, которые были введены Россией против зарубежных стран (*SANCru*); 2) санкции зарубежных стран, которые были введены против российской экономики (*SANCz*). Источником информации указанных санкций являлась GSDB. В качестве фиктивных переменных *SANCru* и *SANCz* учитывались любые санкционные ограничения, введенные Россией против зарубежных стран и наоборот⁷, — по аналогии с выполненными в данном русле исследованиями других авторов [18]. Следует отметить, что данные ограничения в подавляющем большинстве были торговыми санкциями, к которым не относились инициированные Россией финансовые санкции против

¹ UNIDO Statistics. URL: <https://stat.unido.org/> (дата обращения: 01.08.2025).

² CEPII Database, 2025, URL: http://www.cepii.fr/CEPII/en/bdd_modele/bdd_modele.asp (дата обращения: 01.08.2025).

³ FAOSTAT, 2025, URL: <https://www.fao.org/statistics/en/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force, 2025, *WTO Regional Trade Agreements Database*, URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 01.08.2025).

⁵ International Investment Agreements Navigator, 2025, *UNCTAD*, URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (дата обращения: 01.08.2025).

⁶ Members and Observers, 2025, *WTO*, URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата обращения: 01.08.2025).

⁷ В GSDB выделяются шесть видов санкций: торговые санкции; финансовые санкции; санкции на поездки; санкции на поставки оружия; санкции на оказание военной помощи; прочие санкции.

Киргизии в 2020 г. и санкции на поездки против Новой Зеландии с 2022 г.; введенные Грузией против России прочие санкции в 2008—2011 гг. и финансовые санкции Новой Зеландии в 2014—2021 гг.

Описательная статистика массива данных представлена в таблице 2.

Таблица 2

Описательная статистика используемого массива данных

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
X (торговля, всего), долл.	2,72E + 09	3,78E + 10	0	1,27E + 12
X (торговля сырьевыми товарами), долл.	1,16E + 09	1,39E + 10	0	4,99E + 11
X (торговля промышленными товарами), долл.	1,56E + 09	2,44E + 10	0	7,68E + 11
WTO_{exp}	0,555	0,497	0	1
WTO_{both}	0,306	0,461	0	1
$FTA(+)$	0,007	0,085	0	1
FTA	0,048	0,213	0	1
BIT	0,229	0,420	0	1
$SANC_{ru}$	0,070	0,255	0	1
$SANC_z$	0,071	0,256	0	1
$INTL$	0,998	0,049	0	1

Результаты оценки

Расчеты (1) и (2) показали наличие асимптотически несмещенных оценок для суммарной российской внешней торговли, а также для сырьевых и промышленных товаров как для всего периода (табл. 3), так и по отдельным периодам (1995—2013; 2014—2021; 2022—2024) (прил., табл. А.5).

Таблица 3

Результаты оценки моделей (1) и (2)

Переменная	Всего, β		Сырьевые товары, β		Промышленные товары, β	
	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)
$FTA+$	0,89** (0,36)	0,79** (0,31)	0,87* (0,51)	0,70* (0,41)	0,94*** (0,31)	0,91*** (0,31)
FTA	0,90** (0,36)	0,95** (0,37)	0,99** (0,49)	1,08** (0,54)	0,84*** (0,31)	0,89*** (0,34)
BIT	-0,24 (0,23)	-0,33 (0,30)	-0,30 (0,27)	-0,42 (0,37)	-0,19 (0,21)	-0,26 (0,28)
WTO_{exp}	0,13* (0,08)	0,09* (0,05)	0,32** (0,13)	0,16** (0,07)	0,07* (0,03)	0,07* (0,03)
WTO_{both}	0,67*** (0,12)	0,42*** (0,08)	0,94*** (0,15)	0,57*** (0,09)	0,40** (0,15)	0,27** (0,10)
$WTO_{expboth}$	0,79*** (0,15)	0,51*** (0,08)	1,26*** (0,20)	0,73*** (0,08)	0,45*** (0,15)	0,34** (0,14)
$SANC_{ru}$	-0,36** (0,18)	-0,37** (0,18)	-0,41*** (0,12)	-0,42** (0,13)	-0,30 (0,22)	-0,32 (0,24)
$SANC_z$	-0,99*** (0,19)	-0,99*** (0,19)	-1,22*** (0,24)	-1,23*** (0,24)	-0,81*** (0,24)	-0,77*** (0,23)
$INTL_{1996}$	—	-0,54*** (0,14)	—	-0,93*** (0,25)	—	-0,26*** (0,04)

Окончание табл. 3

Переменная	Всего, $\hat{\beta}$		Сырьевые товары, $\hat{\beta}$		Промышленные товары, $\hat{\beta}$	
	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)
$INTL_{2000}$	—	-0,72*** (0,04)	—	-0,95*** (0,17)	—	-0,89*** (0,17)
$INTL_{2004}$	—	-0,17*** (0,05)	—	-0,56*** (0,15)	—	-0,14*** (0,06)
$INTL_{2008}$	—	-0,25** (0,11)	—	-0,53** (0,24)	—	-0,003 (0,01)
$INTL_{2012}$	—	-0,38** (0,17)	—	-0,57** (0,26)	—	-0,25*** (0,08)
$INTL_{2016}$	—	-0,16 (0,14)	—	-0,06 (0,05)	—	-0,25*** (0,04)
$INTL_{2020}$	—	-0,06 (0,10)	—	-0,04 (0,07)	—	-0,02 (0,14)
Константа	18,10*** (0,49)	7,23*** (0,36)	3,59** (1,36)	8,36*** (0,25)	8,72*** (0,82)	23,30*** (0,70)
Pseudo log-likelihood	-5,2e+11	-5,1e+11	-3,7e+11	-3,6e+11	-2,8e+11	-2,5e+11
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
RESET- test	0,01	0,03	0,01	0,02	0,01	0,06
Количество наблюдений	3272		3104		3208	

Примечания: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,10$. В скобках указаны значения стандартных ошибок; для коррекции автокорреляции при использовании процедуры Ньюи — Уэста проведена кластеризация стандартных ошибок по взаимодействующим парам стран; $INTL$ отражает значения торговых барьеров, для которых 2024 г. является базовым; для упрощения получения оценок использованы интервальные значения панельных данных (5 лет).

По сравнению с 2024 г. торговые барьеры ($INTL$) между Россией и зарубежными странами сокращались до первой половины 2010-х гг., что основывалось на снижении данных барьеров в рамках торговли сырьевыми товарами. Далее статистическая незначимость торговых барьеров может быть связана с тем, что увеличение данных барьеров для России с одними странами происходило на фоне их снижения с другими зарубежными экономиками.

На основании полуэластичностей независимых переменных были рассчитаны их среднее изменение и тарифный эквивалент как для рассматриваемых временных периодов, так и для укрупненных товарных групп (табл. 4).

Таблица 4

Среднее изменение и тарифный эквивалент переменных в (1) и (2)

Переменная	Всего			Сырьевые товары			Промышленные товары		
	(2) Δ /Т.Е.	(1) Δ /Т.Е.	$\Delta(2)-(1)$	(2) Δ /Т.Е.	(1) Δ /Т.Е.	$\Delta(2)-(1)$	(2) Δ /Т.Е.	(1) Δ /Т.Е.	$\Delta(2)-(1)$
$FTA+_{1995-2024}$	143/ -36	120/ -33	23	138/ -35	101/ -29	37	156/ -38	149/ -37	7
$FTA+_{2014-2021}$	63/ -22	45/ -17	18	—	—	—	74/ -24	83/ -26	-9

Окончание табл. 4

Переменная	Всего			Сырьевые товары			Промышленные товары		
	(2) Δ/Т.Е.	(1) Δ/Т.Е.	Δ(2)–(1)	(2) Δ/Т.Е.	(1) Δ/Т.Е.	Δ(2)–(1)	(2) Δ/Т.Е.	(1) Δ/Т.Е.	Δ(2)–(1)
$FTA^{+}_{2022-2024}$	164/ –38	145/ –36	19	174/ –40	103/ –30	71	172/ –39	224/ –44	–52
$FTA_{1995-2024}$	145/ –36	158/ –38	–13	170/ –39	193/ –41	–23	131/ –34	144/ –36	–13
$FTA_{1995-2013}$	82/ –26	86/ –27	–3	75/ –24	83/ –26	–9	89/ –28	86/ –27	3
$FTA_{2014-2021}$	146/ –36	157/ –38	–11	232/ –45	151/ –37	81	81/ –26	161/ –38	–80
$FTA_{2022-2024}$	152/ –37	172/ –39	–19	147/ –36	200/ –42	–53	132/ –34	171/ –39	–39
$WTOexp_{1995-2024}$	13/ –6	9/ –4	4	37/ –15	17/ –8	20	7/ –3	7/–3	0
$WTOexp_{1995-2013}$	14/ –6	15/ –7	–1	62/ –22	59/ –21	2	2/ –1	—	2
$WTOexp_{2014-2021}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$WTOexp_{2022-2024}$	—	—	—	—	—	—	—	52/–19	–52
$WTOboth_{1995-2024}$	95/ –28	52/ –19	43	156/ –38	77/ –25	79	49/ –18	31/–13	18
$WTOboth_{2014-2021}$	54/ –19	40/ –16	14	154/ –37	49/ –18	106	11/ –5	—	11
$WTOboth_{2022-2024}$	254/ –47	227/ 45	27	477/ –58	338/ –52	139	123/ –33	152/ –37	–28
$WTOexpboth_{1995-2024}$	121/ –33	67/ –23	54	252/ –47	107/ –30	145	57/ –20	41/ –16	16
$WTOexpboth_{2014-2021}$	72/ –24	20/ –9	52	132/ –34	—	132	—	35/ –21	–35
$WTOexpboth_{2022-2024}$	293/ –50	160/ –38	133	350/ –53	84/ –26	266	283/ –49	181/ –40	102
$SANCru_{1995-2024}$	–30/ 20	–31/ 20	1	–33/ 23	–34/ 23	1	—	—	—
$SANCru_{1995-2013}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$SANCru_{2014-2021}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$SANCru_{2022-2024}$	–75/ 98	–75/ 100	0	–73/ 93	–74/ 96	1	–77/ 108	–75/ 101	–2
$SANCz_{1995-2024}$	–63/ 64	–63/ 64	0	–71/ 84	–71/ 84	0	–55/ 50	–54/47	–1
$SANCz_{1995-2013}$	106/ –30	96/ –28	11	197/ –42	176/ –40	21	46/ –17	37/ –15	9
$SANCz_{2014-2021}$	–47/38	–50/ 42	3	–48/ 39	–48/ 39	0	–51/ 43	–51/43	0
$SANCz_{2022-2024}$	–83/ 141	–83/ 139	0	–89/ 201	–88/ 194	–1	–74/ 96	–76/ 102	2

Примечания. Среднее изменение показателя в % рассчитано следующим способом: $\Delta = [e^{\hat{\beta}} - 1] \cdot 100\%$, а изменение тарифного эквивалента показателя в п. п. — Т.Е. = $[e^{\hat{\beta}/(1-\theta)} - 1] \cdot 100$, где параметр эластичности замещения между отечественными и зарубежными товарами (θ) равен трем [41]. $\Delta(2) - (1)$ — разница между эффектами, полученными в моделях (1) и (2), отражающая количественную оценку влияния общей тенденции роста международной торговли. «—» — отсутствие возможности оценить среднее изменение и тарифный эквивалент независимых переменных по причине их статистической незначимости. Расчет Δ и Т.Е. производился на основе оценок, представленных в таблицах 3 и А.5. Переменная *BIT* не отражена по причине ее статистической незначимости.

Оценки относительно воздействия санкций на торговлю за 1995—2024 гг., во-первых, показали, что сдерживающее влияние санкций, инициированных российской стороной, на внешнюю торговлю России было заметно меньшим по сравнению с санкциями зарубежных стран против российской экономики; во-вторых, выявили в целом инвариантное воздействие общей тенденции роста международной торговли на негативное влияние санкций, поскольку значения полуэластичностей данных факторов были в целом аналогичными соответствующим значениям (2).

В результате санкции, инициированные Россией, снижали ее товарооборот с подсанкционными зарубежными странами в 1995—2024 гг. на 31 %, причем только в рамках товарообмена сырьевыми товарами (на 34 %). При этом статистически значимое негативное влияние данных ограничений наблюдалось в период широкомасштабных санкций, которые способствовали снижению товарооборота России с подсанкционными странами на 75 % (сырьевыми товарами — на 74 %, промышленной продукцией — на 75 %), что было равнозначно увеличению барьеров в тарифном эквиваленте на 100, 96 и 101 п.п. соответственно.

В свою очередь, санкции, инициированные зарубежными странами против России, способствовали снижению их товарооборота с российской экономикой в 1995—2024 гг. на 63 % (сырьевые товары — на 71 %; промышленные товары — на 54 %). Оценки указали на отсутствие негативного влияния эпизодических санкций (1995—2013) со стороны зарубежных стран (Грузия и Украина) на внешнюю торговлю России с этими экономиками, отражая скорее условный характер данных ограничений. Однако введенные впоследствии против России санкции со стороны западных стран оказывали статистически значимое негативное влияние на российскую торговлю. Так, «локальные» санкции (2014—2021) способствовали снижению товарооборота России с санкционирующими странами на 50 % (сырьевые товары — на 48 %; промышленные товары — на 51 %). Самое сильное негативное воздействие на российскую торговлю, как и ожидалось, исходило от широкомасштабных санкций (2022—2024), инициированных западными странами, которые снизили товарооборот России с ними на 83 % (сырьевые товары — на 88 %; промышленные товары — на 76 %), что в тарифном эквиваленте составило 139, 194 и 102 п.п. соответственно, отражая «жесткость» данных ограничений, проявляющихся в создании запретительных барьеров в торговле.

В таких условиях важно понимать, способствовало ли участие России в интеграционных форматах увеличению российской внешней торговли, особенно в условиях санкций с западными странами¹. Заключенные Россией инвестиционные соглашения (*BIT*) не оказывали статистически значимого воздействия на ее внешнюю торговлю в отличие от глобальной экономики [3], по всей видимости, в результате высоких рисков для притока прямых инвестиций в российскую экономику. При этом в 1995—2024 гг. торговые соглашения (*FTA* и *FTA+*), участие России и ее стран — торговых партнеров в ВТО (*WTOexpboth*) действительно стимулировали российскую внешнюю торговлю.

В 1995—2024 гг. продвинутые торговые соглашения (*FTA+*) способствовали большему расширению торговли промышленными, а не сырьевыми товарами, в отличие от поверхностных торговых соглашений (*FTA*), в которых участвовала Россия. Следует заметить, что снижение барьеров между Россией, странами ЕАЭС и Вьетнамом в рамках заключенных продвинутых торговых соглашений (*FTA+*), связанных с облегчением доступа на рынки капитала и частично — труда, способствовало сопоставимому увеличению торговли промышленными товарами по сравне-

¹ Причем в данном случае речь не идет о полной компенсации негативных последствий санкций с «западными» странами, которые были основными торговыми партнерами России, а лишь о поддержке российских внешнеторговых взаимодействий, особенно в непростых геополитических условиях.

нию с поверхностными торговыми соглашениями (*FTA*). При этом в 1995—2024 гг. для торговли сырьевыми товарами эффект поверхностных торговых соглашений почти в два раза превышал соответствующий эффект от продвинутых торговых соглашений.

Однако важным аспектом является то, что в условиях широкомасштабных санкций (2022—2024) участие России в продвинутых торговых соглашениях со странами ЕАЭС и Вьетнамом способствовало еще большему увеличению товарооборота с ними по сравнению с торговлей с другими экономиками, особенно заметно — продукцией обрабатывающей промышленности (всего — на 145 %; сырьевые товары — на 103 %; промышленные товары — на 224 %). В свою очередь, поверхностные торговые соглашения (*FTA*) во время широкомасштабных санкций способствовали росту товарооборота России со странами, входящими в данный интеграционный формат, на 172 % (сырьевые товары — на 171 %; промышленные товары — на 200 %). Данное обстоятельство указывает на то, что в условиях широкомасштабных санкций внешняя торговля России стала отклоняться в пользу созданных интеграционных форматов¹.

Участие России и ее стран — торговых партнеров в ВТО (*WTOexpboth*) в 1995—2024 гг. способствовало увеличению взаимной торговли на 67 % (сырьевые товары — на 107 %; промышленные товары — на 41 %), то есть эффект от ВТО был сравнительно ниже, чем от заключенных торговых соглашений. Однако следует принять во внимание, что Россия главным образом торговала со странами, с которыми не были заключены торговые соглашения, но которые, в свою очередь, были членами ВТО. По этой причине в контексте интеграционных процессов участие России в ВТО было основным источником расширения ее товарооборота, особенно в условиях широкомасштабных санкций, способствуя наращиванию торговли на 160 % (сырьевыми товарами — на 84 %, промышленными товарами — на 181 %).

Полученные оценки также позволили декомпозировать общее влияние ВТО на торговлю России на эффект от одностороннего участия и эффект от двустороннего или обоюдного участия России и ее торговых партнеров в данном глобальном интеграционном формате. Эффект двустороннего участия в ВТО (*WTOboth* — прямой эффект) отражает непосредственное влияние членства России в данном формате на ее торговлю со странами — участницами этой глобальной организации. Прямой эффект ВТО для торговли России в 1995—2024 гг. был положительным, способствуя расширению ее товарооборота на 52 % (сырьевые товары — на 77 %; промышленные товары — на 31 %). В условиях широкомасштабных санкций (2022—2024) прямой эффект ВТО стимулировал рост торговли России от членства в данном формате на 227 % (сырьевыми товарами — на 338 %, промышленными товарами — на 152 %).

В свою очередь, эффект одностороннего участия в ВТО (*WTOexp* — косвенный эффект) отражает опосредованное влияние данного формата на торговлю России с точки зрения создания сравнительно безбарьерной среды для обмена товарами между странами — участницами данной организации. Оценки указали на проявление косвенного эффекта ВТО для России, который способствовал увеличению российской торговли в 1995—2024 гг. на 9 % (сырьевые товары — на 17 %; промышленные товары — на 7 %). В условиях широкомасштабных санкций косвенный эффект ВТО стимулировал рост торговли России только промышленными товарами — на 52 %.

По сравнению с прямым эффектом косвенное влияние ВТО на российскую внешнюю торговлю в 1995—2024 гг. был почти в шесть раз меньше, указывая на большую важность вступления России в данную международную организацию для целей стимулирования товарооборота с зарубежными странами, поскольку в про-

¹ Нельзя исключать, что увеличение поставок промышленных товаров на российский рынок из данных стран связано с расширением «параллельного» импорта продукции обрабатывающей промышленности.

тивном случае эффект не был бы столь заметным. Объединенная оценка проявления косвенного и прямого воздействия ВТО (*WTOexpboth*) в 1995—2024 гг. на внешнюю торговлю России указала на возникновение дополнительного положительного торгового эффекта (что соотносится с оценками, выполненными для глобальной экономики [38]), который тем не менее в условиях широкомасштабных санкций не проявился.

В 1995—2024 гг. общая тенденция роста международной торговли, в том числе основанная на глобальной экономической конъюнктуре, способствовала как увеличению положительного влияния интеграционных соглашений на внешнюю торговлю России в случае *FTA+*, а также членства в ВТО (на 23 и 54 п.п. соответственно), так и подавлению — в случае *FTA* (на 13 п.п.). Поддержание внешней торговли России осуществлялось со странами — членами ВТО в 1995—2024 гг. на основе роста международной торговли, позволившей увеличить оборот сырьевых товаров на 145 п.п. В условиях широкомасштабных санкций общая тенденция роста международной торговли способствовала стимулированию внешней торговли России в случае *FTA+* на 19 п.п. (только сырьевыми товарами) и в случае *FTA* — подавлению на 19 п.п. При этом в 2022—2024 гг. общая тенденция роста международной торговли стимулировала товарообмен России со странами ВТО на 133 п.п. (сырьевыми товарами — на 266 п.п., промышленными товарами — на 102 п.п.).

Заключение

Массовый экспорт сырьевых товаров и удовлетворение инвестиционного и потребительского спроса за счет импорта промышленных товаров показывает, что в долгосрочном периоде торговля с зарубежными странами для российской экономики имеет большое значение. Несмотря на то что в 1995—2024 гг. российская интеграционная политика с зарубежными странами была довольно осторожной, Россия стала полноправной участницей ВТО, создала интеграционные форматы (поверхностные — с рядом постсоветских стран и Сербией; продвинутые — со странами ЕАЭС и Вьетнамом), а также заключила двусторонние инвестиционные соглашения с зарубежными странами. В связи с внешнеполитическим противостоянием с западными странами за последнее десятилетие на российскую экономику были наложены одни из самых жестких в мире санкций, негативно повлиявших на внешнюю торговлю России.

На основе полученных оценок был выявлен общий негативный эффект санкций на товарообмен России, особенно широкомасштабных ограничений, заметно сокративших российский товарооборот с санкционирующими западными странами в 2022—2024 гг., причем в большей мере — сырьевых товаров. Обнаружено большее сдерживающее влияние санкций, в том числе широкомасштабных, инициированных зарубежными странами против России, на ее внешнюю торговлю по сравнению с введенными российской стороной ограничениями на подсанкционные страны как в случае сырьевых, так и промышленных товаров. Данное обстоятельство указывает на то, что Россия не обладала широкими возможностями в реализации встречного соразмерного санкционного давления на зарубежные страны, вероятно, по причине специфики структуры национальной экономики, экспортирующей главным образом углеводородное сырье. В условиях санкций увеличение торговых барьеров для России с одними странами происходило на фоне их снижения с другими зарубежными экономиками. Также исследование выявило отсутствие компенсирующего воздействия общей тенденции роста международной торговли на негативный эффект санкций на товарообмен России с зарубежными странами.

Обнаружено инвариантное воздействие двусторонних инвестиционных соглашений на российскую внешнюю торговлю. При этом торговые соглашения и участие в ВТО стимулировали внешнюю торговлю России в рассматриваемом долго-

срочном периоде, но особенно заметно — в условиях широкомасштабных санкций. Установлено, что при общем долгосрочном позитивном влиянии на внешнюю торговлю России продвинутые торговые соглашения стимулировали большее расширение товарообмена промышленными, чем сырьевыми товарами, в отличие от поверхностных торговых соглашений. В условиях широкомасштабных санкций российская внешняя торговля стала отклоняться в пользу созданных интеграционных форматов, наблюдалось нарастание позитивного влияния продвинутых и поверхностных торговых соглашений, а также участия в ВТО на российскую внешнюю торговлю, особенно — на товарообмен промышленными товарами. В долгосрочном периоде и в условиях широкомасштабных санкций общая тенденция роста международной торговли способствовала как увеличению положительного воздействия на внешнюю торговлю России продвинутых торговых соглашений и членства в ВТО, так и подавлению — в случае поверхностных торговых соглашений. При этом было определено, что общая тенденция роста международной торговли в 2022—2024 гг. стимулировала товарооборот России со странами ВТО преимущественно сырьевыми товарами.

Сопоставительный анализ эффектов показал, что смещение торговли в пользу стран — членов ВТО, а также тенденция роста международной торговли¹ позволили в некоторой степени смягчить негативное влияние широкомасштабных санкций западных стран на российскую внешнюю торговлю, а интеграционные форматы, заключенные Россией с некоторыми странами, играли только «дополнительную» стимулирующую роль в данном процессе. Важно отметить, что в рамках рассматриваемого периода ВТО создавала «общий фон» для снижения торговых барьеров в глобальной экономике, стимулируя внешнеторговые взаимодействия России и тем самым способствуя скорее сырьевой ориентации российского экспорта. Однако в условиях широкомасштабных санкций наблюдалось смещение российской торговли в пользу других стран, являющихся членами ВТО, при стимулировании торговли в большей степени промышленными товарами, которые представляли собой преимущественно импорт. Также во время широкомасштабных санкций тенденция роста международной торговли позволила несколько смягчить негативное влияние данных ограничений на российскую внешнюю торговлю, главным образом за счет экспорта сырьевых товаров из России. При этом для России ни в рамках долгосрочного периода, ни в условиях широкомасштабных санкций расширение продвинутых интеграционных соглашений с зарубежными странами не было основой ее внешнеэкономической политики, которая строилась, по всей видимости, на доминировании на сырьевых рынках, а также сравнительно жестком регулировании импортных поставок на отечественный рынок, в том числе для поддержания положительного внешнеторгового баланса. Проведенное исследование указывает на необходимость расширения интеграционных форматов России в пользу дружественных стран для реализации одного из способов расширения экспорта и диверсификации рисков нарастания санкционного давления со стороны западных стран в случае снижения или даже исчерпания положительного влияния членства в ВТО и ценовой конъюнктуры на глобальном сырьевом рынке на российскую внешнюю торговлю.

Список литературы

1. Baldwin R., Ruta, M. (eds.), 2025, *The State of Globalisation*, CEPR Press, International Monetary Fund, 105 p., URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/255049-the_state_of_globalisation.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹ Понимаемая в данном случае как позитивная (для российской экономики) ценовая конъюнктура на глобальном сырьевом рынке.

2. Афонцев, С. А. 2020, Политика и экономика торговых войн, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1 (45), с. 193—198, EDN: TTTI WV, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>
3. Larch, M., Yotov, Y. V. 2023, Deep Trade Agreements and FDI in Partial and General Equilibrium: A Structural Estimation Framework, *Policy Research Working Papers* art. № 10338, <https://doi.org/10.1596/1813-9450-10338>
4. Larch, M., Yotov, Y. V. 2024, Regional Trade Agreements: What Do We Know and What Do We Miss? *FIW Policy Brief series 64*, *FIW*, URL: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2024/10/64_FIW_PB_LarchYotov.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
5. Tobin, J. L., Busch, M. L. 2010, A BIT Is Better Than a Lot: Bilateral Investment Treaties and Preferential Trade Agreements, *World Politics*, vol. 62, № 1, p. 1—42, <https://doi.org/10.1017/S0043887109990190>
6. Morgan, T. C., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2023, Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 37, № 1, p. 3—30, EDN: RZIYXN, <https://doi.org/10.1257/jep.37.1.3>
7. Тимофеев, И. Н., Гаврилова, С. М., Чуприянова, П. И., Растегаев, Д. О. (ред.). 2024, *Политика санкций: понятие, институты, практика*, № 11, Российский совет по международным делам (РСМД), Москва, 96 с., EDN: XDDQER, URL: https://mgimo.ru/upload/2025/04/politika-sanktsiy.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 01.08.2025).
8. Qiao, C. 2024, Financial risks and economic costs of trade sanctions, *Finance Research Letters*, vol. 69, art. № 106113, <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106113>
9. Engelbrecht, H.-J., Pearce, C. 2007, The GATT/WTO has promoted trade, but only in capital-intensive commodities!, *Applied Economics*, vol. 39, № 12, p. 1573—1581, <https://doi.org/10.1080/00036840600592874>
10. Dai, M., Yotov, Y. V., Zylkin, T. 2014, On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements, *Economic Letters*, vol. 122, № 2, p. 321—325, <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.12.024>
11. Borchert, I., Larch, M., Shikher, S., Yotov, Y. 2021, The International Trade and Production Database for Estimation (ITPD-E), *International Economics*, № 166, p. 140—166, <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.08.001>
12. Campos, R. G., Larch, M., Timini, J., Vidal Muñoz, E., Yotov, Y. V. 2024, Does the WTO Promote Trade? A Meta-Analysis, *Banco de Espana Working Paper*, art. № 2427, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4958747>
13. Larch, M., Shikher, S., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2022, Quantifying the impact of economic sanctions on international trade in the energy and mining sectors, *Economic Inquiry*, vol. 60, № 3, p. 1038—1063, <https://doi.org/10.1111/ecin.13077>
14. Ghomi, M. 2022, Who is afraid of sanctions? The macroeconomic and distributional effects of the sanctions against Iran, *Economics and Politics*, vol. 34, № 3, p. 395—428, EDN: ORJJYJ, <https://doi.org/10.1111/ecpo.12203>
15. Syropoulos, C., Felbermayr, G., Kirilakha, A., Yalcin, E., Yotov, Y. V. 2024, The global sanctions data base—Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 12—48, <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
16. van Bergeijk, P. A. G. (eds.), 2021, *Research Handbook on Economic Sanctions*, Edward Elgar Publishing, 496 p., URL: <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781839102714/9781839102714.xml> (дата обращения: 01.08.2025).
17. Chupilkin, M., Javorcik, B., Peeva, A., Plekhanov, A. 2025, Economic Sanctions and Intermediated Trade, *AEA Papers and Proceedings*, vol. 115, p. 568—572, <https://doi.org/10.1257/pandp.20251083>
18. Caruso, R., Cipollina, M. 2025, The effect of economic sanctions on world trade of mineral commodities. A gravity model approach from 2009 to 2020, *Resources Policy*, № 105, art. № 105574, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2025.105574>
19. Кузык, М. Г., Симачев, Ю. В. 2025, Особенности реагирования зарубежных стран на масштабные санкции: есть ли уроки для изучения?, *Вопросы экономики*, № 10, с. 5—27, EDN: OKRJOZ, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-5-27>

20. Lee, C.-S., Song, B. 2008, Economic Effects of Russia's Trade Liberalization: Russia's WTO Accession and FTAs with EU and Korea, *East Asian Economic Review*, vol. 12, № 1, p. 251—284, <https://dx.doi.org/10.11644/KIEP.JEAL.2008.12.1.186>
21. Cristea, A. D., Miromanova, A. 2022, Firm-level trade effects of WTO accession: Evidence from Russia, *Review of International Economics*, vol. 30, № 1, p. 237—281, <https://doi.org/10.1111/roie.12565>
22. Rasoulinezhad, E. 2018, A new evidence from the effects of Russia's WTO accession on its foreign trade, *Eurasian Economic Review*, vol. 8, № 1, p. 73—92, <https://doi.org/10.1007/s40822-017-0081-1>
23. Аржаев, Ф. И. 2024, Зоны свободной торговли как инструмент содействия российскому экспорту: оценка эффектов, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 7, с. 94—102, EDN: OKWEJT, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-7-94-102>
24. Мазырин, В. М. 2024, Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 17, № 3, с. 128—148, EDN: XQFFNE, <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.07>
25. Ушкалова, Д. И. 2017, Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 100—111, EDN: ZWGUPL
26. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. 2022, Россия в условиях санкций: пределы адаптации, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 52—67, EDN: UJYCYG, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
27. Rühl, C. 2022, Energy sanctions and the global economy: mandated vs unilateral sanctions, *International Economics and Economic Policy*, vol. 19, № 2, p. 383—399, <https://doi.org/10.1007/s10368-022-00542-9>
28. Flach, L., Heiland, I., Larch, M., Steininger, M., Teti, F. A. 2024, Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 281—323, <https://doi.org/10.1111/roie.12707>
29. Гордеев, Р. В., Пыжев, А. И. 2023, Лесная промышленность России в условиях санкций: потери и новые возможности, *Вопросы экономики*, № 4, с. 45—66, EDN: TQKHXQ, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>
30. Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. 2025, Производственная зависимость от импорта в регионах России после 2022 года, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1 (66), с. 282—290, EDN: OYFRAB, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290
31. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. 2023, Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 26—42, EDN: EMOCKG, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42
32. Чернявский, А. В., Чепель, А. А. 2025, Оценка влияния экспортных и импортных санкций на российскую экономику с использованием таблиц «затраты-выпуск», *Вопросы экономики*, № 3, с. 29—47, EDN: VLHMCM, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-3-29-47>
33. Смирнов, Е. Н. 2023, Эскалация антироссийских санкций и ее последствия для глобальной экономики, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 2, с. 80—93, EDN: FFIQXX, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-80-93>
34. Ушкалова, Д. И. 2022, Внешняя торговля России в условиях санкционного давления, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3 (55), с. 218—226, EDN: OGZSKI, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
35. Gutmann, J., Neuenkirch, M., Neumeier, F. 2024, Do China and Russia undermine Western sanctions? Evidence from DiD and event study estimation, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 132—160, <https://doi.org/10.1111/roie.12716>
36. Dabrowski, M., Avdasheva, S. 2023, Sanctions and Forces Driving to Autarky, in: Dabrowski, M. (eds.), *The Contemporary Russian Economy*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 271—288, https://doi.org/10.1007/978-3-031-17382-0_14
37. Yotov, Y. V., Piermartini, R., Monteiro, J.-A., Larch, M. 2016, *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*, United Nations and World Trade Organization, URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtoundad2016_e.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

38. Larch, M., Piermartini, R., Yotov, Y. V. 2019, On the Effects of GATT/WTO Membership on Trade: They are Positive and Large After All, *WTO working paper*, № ERSD-2019-09, URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201909_e.htm (дата обращения: 01.08.2025).

39. Bergstrand, J. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2015, Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations, *European Economic Review*, № 78, p. 307—327, <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.06.003>

40. Egger, P. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2022, Gravity Estimations with Interval Data: Revisiting the Impact of Free Trade Agreements, *Economica*, vol. 89, № 353, p. 44—61, <https://doi.org/10.1111/ecca.12394>

41. Изотов, Д. А. 2022, Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал, *Пространственная экономика*, т. 18, № 3, с. 17—41, EDN: PQYCSR, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.017-041>

42. Wellhausen, R. L., Peinhardt, C. 2025, Adjudicating while Fighting: Political Implications of the Ukraine-Russia Bilateral Investment Treaty, *Perspectives on Politics*, p. 1—13, <https://doi.org/10.1017/S1537592724002809>

Об авторе

Дмитрий Александрович Изотов, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

E-mail: izotov@ecrin.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

RUSSIA'S FOREIGN TRADE IN RAW MATERIALS AND INDUSTRIAL GOODS: THE IMPACT OF INTEGRATION AGREEMENTS AND SANCTIONS

D. A. Izotov

Economic Research Institute of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
153 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russia

Received 08 October 2025
Accepted 19 November 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5
© Izotov, D. A. 2025

The aim of this study is to evaluate the impact of integration agreements and sanctions on Russia's foreign trade in raw materials and industrial goods. Using international statistical data for 1995—2024 from UNCTAD, the World Bank, CEIC, UNIDO, CEPII, FAO, WTO, and GSDB, and applying a gravity model that controls for globalization effects, the study assesses the potential for stimulating Russia's foreign trade through WTO membership and participation in trade and cooperation agreements under conditions of sanction constraints.

To cite this article: Izotov, D. A. 2025, Russia's foreign trade in raw materials and industrial goods: the impact of integration agreements and sanctions, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 84—106. doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-5

The results of the analysis demonstrate an overall negative impact of sanctions on Russia's trade, with large-scale restrictive measures exerting the most pronounced effect, substantially reducing trade with Western countries that imposed sanctions in 2022–2024. The influence of investment agreements on Russia's foreign trade is found to be invariant. Although advanced (deep) trade agreements, in contrast to shallow ones, have a generally positive long-term effect on trade, they stimulate expansion in industrial goods to a greater extent than in raw materials. The positive impact of both advanced and shallow trade agreements, as well as WTO membership, on Russia's foreign trade, particularly in industrial goods, shows a strengthening trend over time. In addition, the overall growth of international trade in 2022–2024 contributed to the expansion of Russia's trade with WTO member countries, primarily in raw materials. Comparative analysis indicates that the reorientation of trade towards WTO members, together with the recovery of global trade, helped mitigate the negative effects of large-scale sanctions imposed by Western countries, while Russia's advanced and shallow trade agreements played a supplementary stimulatory role in this process. These findings demonstrate the necessity of expanding Russia's integration frameworks with 'friendly' countries in the context of intensifying sanctions pressure from Western states.

Keywords:

trade, raw materials, industrial goods, WTO, free trade area, customs union, shallow and advanced integration agreements, bilateral investment agreement, sanctions, international trade, Russia

References

1. Baldwin R., Ruta, M. (eds.). 2025, *The State of Globalisation*, CEPR Press, International Monetary Fund, 105 p., URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/255049-the_state_of_globalisation.pdf (accessed 01.08.2025).
2. Afontsev, S. A. 2020, Politics and economics of trade wars, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, vol. 45, № 1, p. 193–198, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>
3. Larch, M., Yotov, Y. V. 2023, Deep Trade Agreements and FDI in Partial and General Equilibrium: A Structural Estimation Framework, *Policy Research Working Papers*, art. № 10338, <https://doi.org/10.1596/1813-9450-10338>
4. Larch, M., Yotov, Y. V. 2024, Regional Trade Agreements: What Do We Know and What Do We Miss?, *FIW Policy Brief series 64*, FIW, URL: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2024/10/64_FIW_PB_LarchYotov.pdf (accessed 01.08.2025).
5. Tobin, J. L., Busch, M. L. 2010, A BIT Is Better Than a Lot: Bilateral Investment Treaties and Preferential Trade Agreements, *World Politics*, vol. 62, № 1, p. 1–42, <https://doi.org/10.1017/S0043887109990190>
6. Morgan, T. C., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2023, Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 37, № 1, p. 3–30, <https://doi.org/10.1257/jep.37.1.3>
7. Timofeev, I. N., Gavrilova, S. M., Chupriyanova, P. I., Rastegaev, D. O. (eds.). 2024, *Sanctions Policy: Concept, Institutions, Practice*, № 11, Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, 96 p. (in Russ.), URL: https://mgimo.ru/upload/2025/04/politika-sanktsiy.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 01.08.2025).
8. Qiao, C. 2024, Financial risks and economic costs of trade sanctions, *Finance Research Letters*, vol. 69, art. № 106113, <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106113>
9. Engelbrecht, H.-J., Pearce, C. 2007, The GATT/WTO has promoted trade, but only in capital-intensive commodities!, *Applied Economics*, vol. 39, № 12, p. 1573–1581, <https://doi.org/10.1080/00036840600592874>
10. Dai, M., Yotov, Y. V., Zylkin, T. 2014, On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements, *Economic Letters*, vol. 122, № 2, p. 321–325, <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.12.024>
11. Borchert, I., Larch, M., Shikher, S., Yotov, Y. 2021, The International Trade and Production Database for Estimation (ITPD-E), *International Economics*, № 166, p. 140–166, <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.08.001>

12. Campos, R. G., Larch, M., Timini, J., Vidal Muñoz, E., Yotov, Y. V. 2024, Does the WTO Promote Trade? A Meta-Analysis, *Banco de Espana Working Paper*, art. № 2427, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4958747>
13. Larch, M., Shikher, S., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2022, Quantifying the impact of economic sanctions on international trade in the energy and mining sectors, *Economic Inquiry*, vol. 60, № 3, p. 1038—1063, <https://doi.org/10.1111/ecin.13077>
14. Ghomi, M. 2022, Who is afraid of sanctions? The macroeconomic and distributional effects of the sanctions against Iran, *Economics and Politics*, vol. 34, № 3, p. 395—428, <https://doi.org/10.1111/ecpo.12203>
15. Syropoulos, C., Felbermayr, G., Kirilakha, A., Yalcin, E., Yotov, Y. V. 2024, The global sanctions data base—Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 12—48, <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
16. van Bergeijk, P. A. G. (eds.), 2021, *Research Handbook on Economic Sanctions*, Edward Elgar Publishing, 496 p., URL: <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781839102714/9781839102714.xml> (accessed 01.08.2025).
17. Chupilkin, M., Javorcik, B., Peeva, A., Plekhanov, A. 2025, Economic Sanctions and Intermediated Trade, *AEA Papers and Proceedings*, vol. 115, p. 568—572, <https://doi.org/10.1257/pandp.20251083>
18. Caruso, R., Cipollina, M. 2025, The effect of economic sanctions on world trade of mineral commodities. A gravity model approach from 2009 to 2020, *Resources Policy*, № 105, art. № 105574, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2025.105574>
19. Kuzyk, M. G., Simachev, Y. V. 2025, Features of countries' response to large-scale sanctions: Are there lessons to be learned?, *Voprosy Ekonomiki*, 2025, № 10, p. 5—27, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-5-27>
20. Lee, C.-S., Song, B. 2008, Economic Effects of Russia's Trade Liberalization: Russia's WTO Accession and FTAs with EU and Korea, *East Asian Economic Review*, vol. 12, № 1, p. 251—284, <https://dx.doi.org/10.11644/EIJP.JEAI.2008.12.1.186>
21. Cristea, A. D., Miromanova, A. 2022, Firm-level trade effects of WTO accession: Evidence from Russia, *Review of International Economics*, vol. 30, № 1, p. 237—281, <https://doi.org/10.1111/roie.12565>
22. Rasoulinezhad, E. 2018, A new evidence from the effects of Russia's WTO accession on its foreign trade, *Eurasian Economic Review*, vol. 8, № 1, p. 73—92, <https://doi.org/10.1007/s40822-017-0081-1>
23. Arzhaev, F. I. 2024, Free Trade zone as a tool to promote Russian exports: assessing effects, *Russian Foreign Economic Journal*, № 7, p. 94—102, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-7-94-102>
24. Mazyrin, V. M. 2024, The EAEU — Vietnam free trade agreement: expectations and reality, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 17, № 3, p. 128—148, <https://doi.org/10.31249/kgf/2024.03.07>
25. Ushkalova, D. I. 2017, Integration models of the Eurasian economic union and the free trade zone of the cis in the context of international experience, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 100—111 (in Russ.).
26. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. 2022, Russia under sanctions: limits of adaptation, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 52—67 (in Russ.), https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
27. Rühl, C. 2022, Energy sanctions and the global economy: mandated vs unilateral sanctions, *International Economics and Economic Policy*, vol. 19, № 2, p. 383—399, <https://doi.org/10.1007/s10368-022-00542-9>
28. Flach, L., Heiland, I., Larch, M., Steininger, M., Teti, F. A. 2024, Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 281—323, <https://doi.org/10.1111/roie.12707>
29. Gordeev, R. V., Pyzhev, A. I. 2023, The timber industry in Russia under sanctions: Losses and opportunities, *Voprosy Ekonomiki*, 2023, № 4, p. 45—66, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>

30. Zemlyanskii, D. Yu., Chuzhenkova, V. A. 2025, Production dependence on import in the Russian regions after 2022, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, № 1-66, p. 282—290, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290
31. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. 2023, Iranian sanctions experience: macroeconomic outcomes and lessons for Russia, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 26—42 (in Russ.), https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42
32. Cherniavsky, A. V., Chepel, A. A. 2025, The input—output analysis of the impact of trade sanctions on the Russian economy, *Voprosy Ekonomiki*, 2025, № 3, p. 29—47, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-3-29-47>
33. Smirnov, E. N. 2023, Escalation of Anti-Russian sanctions and its implications for the global economy, *Russian Foreign Economic Journal*, № 2, p. 80—93 (in Russ.), <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-80-93>
34. Ushkalova, D. I. 2022, Russia's foreign trade under sanctions pressure, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, vol. 55, № 3, p. 218—226, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
35. Gutmann, J., Neuenkirch, M., Neumeier, F. 2024, Do China and Russia undermine Western sanctions? Evidence from DiD and event study estimation, *Review of International Economics*, vol. 32, № 1, p. 132—160, <https://doi.org/10.1111/roie.12716>
36. Dabrowski, M., Avdasheva, S. 2023, Sanctions and Forces Driving to Autarky, in: Dabrowski, M. (eds.), *The Contemporary Russian Economy*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 271—288, https://doi.org/10.1007/978-3-031-17382-0_14
37. Yotov, Y. V., Piermartini, R., Monteiro, J.-A., Larch, M. 2016, *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*, United Nations and World Trade Organization, URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtoundad2016_e.pdf (accessed 01.08.2025).
38. Larch, M., Piermartini, R., Yotov, Y. V. 2019, On the Effects of GATT/WTO Membership on Trade: They are Positive and Large After All, *WTO working paper*, № ERS-2019-09, URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201909_e.htm (accessed 01.08.2025).
39. Bergstrand, J. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2015, Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations, *European Economic Review*, № 78, p. 307—327, <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.06.003>
40. Egger, P. H., Larch, M., Yotov, Y. V. 2022, Gravity Estimations with Interval Data: Revisiting the Impact of Free Trade Agreements, *Economica*, vol. 89, № 353, p. 44—61, <https://doi.org/10.1111/ecca.12394>
41. Izotov, D. A. 2022, Russia's Trade with East Asian Countries: Comparative Costs and Potential, *Spatial Economics*, vol. 18, № 3, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.017-041>
42. Wellhausen, R. L., Peinhardt, C. 2025, Adjudicating while Fighting: Political Implications of the Ukraine-Russia Bilateral Investment Treaty, *Perspectives on Politics*, p. 1—13, <https://doi.org/10.1017/S1537592724002809>

The author

Dr **Dmitrii A. Izotov**, Leading Research Fellow, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

E-mail: izotov@ecrin.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)